

М.А.Завадская
ДУМСКИЕ ИНКУБЕНТЫ
И «ПАРТИЯ ВЛАСТИ»
КРОССТЕМПОРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: инкубент, преимущество инкубентства, Государственная Дума, «партия власти»

Во многих странах у действующих политиков, будь то депутаты legislatures различного уровня или представители исполнительной ветви власти, есть институциональная возможность баллотироваться на следующий срок. Эту категорию политиков традиционно именуют инкубентами. В первом приближении очевидно, что кандидат, уже занимавший соответствующую должность, обладает более высокими шансами на избрание, то есть обладает преимуществом (*incumbency advantage*), выраженном в конкретном процентном бонусе к полученным голосам.

Впервые к данной проблеме обратились американские политики, обнаружившие беспрецедентный рост доли инкубентов в Конгрессе США в 1960—1970-е годы¹. По некоторым подсчетам, на парламентских выборах в США бонус инкубентства составляет около 2%². Сходная ситуация зафиксирована также во многих европейских странах, в том числе в Великобритании³, Германии и Италии⁴. Та же тенденция наблюдается и в современной России: если среди депутатов Думы II созыва, избранной в 1995 г., было 35% инкубентов, то в 2007 г. — уже более половины (см. *табл. 1*).

¹ *Ansola-behere, Snyder 2002.*

² *Krehbiel, Wright 1983; Gelman, King 1990; Alford, Brady 1993.*

³ *Katz, King 1999.*

⁴ *Egner, Stoiber 2008.*

Таблица 1 Изменение доли инкубентов в Госдумах II–V созывов

Год избрания Думы	Доля инкубентов (в %)
1995	35,1
1999	36,7
2003	47,3
2007	52,0

⁵ *Mayhew 1974; Fiorina 1977; Campbell 1983.*

⁶ *Stokes, Miller 1966; Abramowitz 1975.*

Происхождение и природу преимущества инкубентства можно анализировать с точки зрения как политического спроса, то есть динамики предпочтений избирателей⁵, так и электорального предложения — собственно поведения и «качества» инкубента⁶. В демократических системах на динамику бонуса инкубентства влияют такие факторы, как партийная идентификация инкубентов и избирателей; институци-

ональный дизайн и электоральное расписание, обуславливающие контаминационные эффекты выборов разного уровня; экзогенные шоки (экономические кризисы, внешнеполитические события и т.д.). С одной стороны, рост числа инкубентов трактуется наблюдателями как тревожный показатель снижения электоральной конкуренции и партийной идентификации избирателей. С другой — «выживание» инкубентов может свидетельствовать об институционализации парламента, так как данная категория политиков выступает каналом передачи накопленного опыта и способствует росту профессионализма депутатов в целом⁷.

⁷ Polsby 1968; Шевченко 2007.

Что касается воздействия институционального дизайна, то анализ выборов в парламентских системах продемонстрировал, что в странах, где парламент формирует правительство и, соответственно, несет ответственность за его политику, эффект инкубентства может быть отрицательным⁸. Так, «обратный» эффект инкубентства наблюдался в 1980—1990-е годы в Индии, особенно в тех округах, где были проблемы с предоставлением социальной помощи и услуг населению⁹.

⁸ Ansolabehere, Snyder 2002.

⁹ Egner, Stoiber 2008.

В авторитарных и переходных режимах, где так или иначе присутствует институт выборов, тоже имеются кандидаты-инкубенты. Однако важной особенностью этих режимов является существенное искажение электоральной конкуренции через использование таких механизмов, как завышенные входные барьеры, неравный доступ к ресурсам для ведения кампании, а также «эластичность» правил игры и селективное применение санкций. Иными словами, при подобного рода режимах акторы конкурируют не только по поводу результатов выборов, но и по поводу самих правил определения победителя¹⁰. С 2004 г. российский политический режим оценивается как «электоральный авторитаризм»¹¹, при котором обеспечение «нужных» результатов голосования выступает основной задачей политической элиты, что не может не сказываться на искажающем эффекте инкубентства.

¹⁰ Shedler (ed.) 2006.

¹¹ Голосов 2008.

Каковы же природа и роль инкубентства в современной России? Является ли статус инкубента преимуществом? Если да, то каким образом варьировала величина этого преимущества в зависимости от институционализации «партии власти»? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проследить динамику доли инкубентов в российском парламенте и выявить ее детерминанты.

В настоящей статье представлен анализ динамики количества и «качества» переизбиравшихся депутатов на материале выборов в Государственную Думу в период с 1995 по 2007 г., а также электоральной конкуренции в одномандатных округах в 1999 и 2003 гг. под углом зрения институционализации преимущества инкубентства. Данные о результатах голосования и сведения о кандидатах взяты с официальных сайтов Центральной избирательной комиссии и Государственной Думы РФ, а также из региональных интернет-ресурсов.

**«Партия власти»
как механизм
вознаграждения
за лояльность
и канал
политического
рекрутирования:
роль
инкубентов**

¹² Geddes 1999;
Brownlee 2007;
Reuter, Remington
2009.

¹³ Langston 2006.

¹⁴ К данной категории отнесены «Демократический выбор России» (ДВР), «Блок Ивана Рыбкина» (БИР), Партия российского единства и согласия (ПРЕС), «Наш дом — Россия» (НДР), «Единство», ОВР, «Единая Россия», а также «Справедливая Россия» образца 2007 г.

По заключению ряда исследователей, устойчивость авторитарных режимов с доминирующей партией во многом объясняется тем, что подобного рода партии решают проблему взаимных обязательств участников коалиции (*credible commitment problem*) и выступают в роли контролирующей инстанции¹². И хотя, разумеется, было бы некорректно рассматривать «Единую Россию» в качестве доминирующей партии, так как она не влияет на правительственные назначения и не формирует политическую повестку дня, правомерно предположить, что она выполняет сходные функции, снижая издержки контроля и обеспечивая вознаграждение (в виде думских мандатов) наиболее ценных партнеров по коалиции¹³. Если эта гипотеза верна, то создание «Единой России» посредством «недружественного поглощения» «Единством» блока «Отечество — Вся Россия» (ОВР), а также ряда видных независимых депутатов, обладавших серьезными властными и финансовыми ресурсами, должно было повлечь за собой увеличение доли «статусных» инкубентов в лице высокопоставленных чиновников региональных администраций и представителей крупного бизнеса.

Для тестирования гипотезы о «Единой России» как механизме вознаграждения важнейших партнеров по коалиции вся совокупность инкубентов была разделена на 10 «профессиональных» категорий: исполнительная власть федерального, регионального и муниципального уровней, бизнес, аграрный сектор, силовики, эксперты (сотрудники экспертных организаций, специализирующихся на политическом и экономическом консалтинге) и т.д. Основные независимые переменные: характер (формат) политического режима и принадлежность к «партии власти»¹⁴. Чтобы оценить эффект режима, я разбила выборку со всеми случаями переизбрания на две группы: до 2003 г. (Думы II и III созывов) и с 2003 г. (Думы IV и V созывов).

Как видно из приводимых в табл. 2 данных, среди инкубентов Думы II и III созывов преобладают чиновники. За ними следуют работники сферы образования и науки и представители бизнеса, причем если вторые явно «недопредставлены», то доля первых гораздо выше ожидаемых значений, что, видимо, связано с наличием крупной фракции коммунистов, где и была сосредоточена значительная часть инкубентов этого типа. Любопытно, что доля чиновников практически не отклоняется от ожидаемых значений.

Начиная с 2003 г. конфигурация Думы заметно меняется: самой многочисленной категорией инкубентов становятся представители бизнеса, отодвинувшие госслужащих на второе место. Бизнес существенно «перепредставлен»; из соотношения наблюдаемых и предсказанных значений явствует, что произошло это прежде всего за счет работников сферы образования и науки, а также сотрудников экспертных организаций и СМИ. Доля «статусных» групп (бизнеса и госслужащих) среди инкубентов превышает 50%, что подтверждает гипотезу о думских мандатах как форме вознаграждения за лояльность, причем наиболее значимым из партнеров по сложившейся большой коалиции, судя

Таблица 2 Профессиональная принадлежность инкубентов в Госдумах II–V созывов

		Аграрии	Бизнес	Эксперты	СМИ	Исполнительная власть	Силовики	Активисты НКО и профессиональные политики	Работники сферы науки и образования	Профсоюзы	Прочие	
РЕЖИМ	До 2003 г.	Наблюдаемое число	10	53	23	19	77	14	45	63	6	18
		Ожидаемое число	7,3	78,6	14,1	14,9	72,2	19,2	50,4	48,3	7,7	15,4
	С 2003 г.	Наблюдаемое число	7	131	10	16	92	31	73	50	12	18
		Ожидаемое число	9,7	105,4	18,9	20,1	96,8	25,8	67,6	64,7	10,3	20,6
		χ^2	41,414									
		Статистическая значимость	0,000									

по всему, выступает бизнес, и принадлежность к бизнес-кругам оказывается важным фактором переизбрания.

Хотя российский парламент изначально являлся довольно слабым институтом, в 1990-е годы он все же сохранял известный «шантажный» потенциал и возможность блокировать прохождение законопроектов и даже провоцировать правительственные кризисы¹⁵. С утверждением в Думе однопартийного доминирования «вес» думского кресла еще больше снизился. Теоретически это должно было привести и к снижению «веса» инкубентов. Для проверки данной гипотезы я рассчитала средний ранг инкубентов из исполнительной власти, подразделив их на три группы: 1 – муниципальный, 2 – региональный, 3 – федеральный уровень. Средний ранг инкубентов в Думах II–III созывов составил 1,93, а в Думах IV–V созывов – 2,09. Из этого следует, что «вес» инкубентов-госслужащих не только не снизился, но даже несколько вырос. При этом бросается в глаза существенное изменение соотношения групп чиновников муниципального и регионального уровня: доля первых заметно сократилась за счет увеличения доли вторых (см. табл. 3). Такого рода динамика также свидетельствует о превращении депутатских мандатов в форму вознаграждения партнеров по коалиции, в которой чиновники регионального уровня играют гораздо более важную роль, чем муниципалы.

¹⁵Shugart 1996; Morgan-Jones, Schleiter 2004.

Таблица 3 Представленность чиновников муниципального, регионального и федерального уровня среди инкубентов Дум II–V созывов

			«Уровень» инкубента		
			1	2	3
<i>РЕЖИМ</i>	<i>До 2003 г.</i>	Наблюдаемые значения	27	26	22
		Ожидаемые значения	20,4	32,9	21,8
	<i>С 2003 г.</i>	Наблюдаемые значения	17	45	25
		Ожидаемые значения	23,6	38,1	25,2
χ^2		6,69			
Статистическая значимость		0,035			

В долгосрочной перспективе эффективность стратегии вознаграждения сторонников зависит от наличия действенного механизма ротации кадров. В противном случае в рамках самой коалиции будут складываться группы амбициозных политиков, скептически оценивающих свои карьерные шансы, что создаст стимулы к выходу их из ее состава. Одним из индикаторов, позволяющих судить о положении дел в этой сфере, является динамика числа переизбранных депутатов Думы (см. *табл. 4*).

Приведенные в *табл. 4* данные показывают, что среди инкубентов неуклонно возрастает доля переизбравшихся два и более раз. И хотя «долгожители» есть и в составе фракций КПрФ и ЛДПР, их прирост происходит именно за счет «Единой России». Свидетельствуя о кооптации в «партию власти» «крепких» депутатов эпохи децентрализованного режима, динамика переизбранных вместе с тем заставляет усомниться в наличии у «Единой России» отработанного механизма ротации.

Таблица 4 Динамика переизбранных депутатов Госдумы

<i>Число переизбранных</i>	<i>1995</i>		<i>1999</i>		<i>2003</i>		<i>2007</i>	
	<i>Кол-во депутатов</i>	<i>%</i>	<i>Кол-во депутатов</i>	<i>%</i>	<i>Кол-во депутатов</i>	<i>%</i>	<i>Кол-во депутатов</i>	<i>%</i>
1	158	100	123	74,1	137	64,3	115	49,1
2	-	-	43	25,9	52	24,4	79	33,7
3	-	-	-	-	24	11,3	25	10,7
4	-	-	-	-	-	-	15	6,4
Всего инкубентов	158		166		213		234	

**Преимущество
инкубентства:
сравнительный
анализ
электоральной
конкуренции
в одномандатных
округах**

Для того чтобы выяснить, в какой мере феномен преимущества инкубентства отражается на российском электоральном процессе и каковы его источники, обратимся к анализу выборов по одномандатным округам.

Принято считать, что ввиду подотчетности депутатов-одномандатников региональному электорату (constituency service)¹⁶ их шансы на переизбрание в немалой степени зависят от специфики регионов, то есть параметры регионов могут способствовать или, напротив, препятствовать успеху инкубентов. Чтобы учесть этот фактор, я воспользовалась теоретической рамкой, предложенной Г.Китшелтом и С.Уилкинсоном, которые выделили две модели взаимодействия политиков и избирателей: клиентелистскую (clientelistic) и программную (programmatic)¹⁷. Поскольку клиентелистское голосование строится на предоставлении партикуляристских благ в виде каких-то привилегий, прямых денежных выплат, постов, рабочих мест и т.п., тогда как «программное» связано скорее с публичными благами и реализацией некоего политического курса, правомерно предположить, что в регионах, где превалирует клиентелистская модель, вероятность переизбрания инкубента будет выше. В свою очередь, подобная модель особенно характерна для мест с плотными социальными сетями, где проще всего контролировать электоральное поведение «клиентов», а именно для сельской местности и районов компактного проживания этнических групп¹⁸. Благоприятствует ее утверждению и низкий уровень экономического развития¹⁹: экономически неблагополучные избиратели более склонны к обмену своих голосов на сиюминутные и/или частные блага, нежели относительно обеспеченные.

Исходя из приведенных соображений, я включила в анализ такие структурные переменные, как размер валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, доля городского населения, доля пенсионеров (как основных потенциальных потребителей клиентелистских благ)²⁰, этнический состав, конституционный статус региона, а также численность населения.

Для выявления чистого эффекта смены формата политической конкуренции, я сконцентрировала внимание на думских выборах 1995 и 2003 гг. Выборы 1999 г., в известной мере носившие переходный характер, были исключены из анализа, тем более что они достаточно хорошо изучены, в том числе и с точки зрения преимуществ инкубентства²¹.

Выборка сформирована случайным образом (около 30% от генеральной совокупности) по округам²². Размер выборки — 268 случаев.

В качестве зависимой переменной использовалось соотношение между процентом голосов, полученных конкретным инкубентом, и средним значением преимущества инкубентства по всем округам. Преимущество отдельного инкубента вычислялось по формуле:

$$IA_i = \frac{v_i}{v_i - v_w},$$

¹⁶ Fiorina, Rivers 1989.

¹⁷ Kitschelt, Wilkinson (eds.) 2007.

¹⁸ Golosov, Shevchenko 2000.

¹⁹ Kitschelt, Wilkinson (eds.) 2007; Hale 2007.

²⁰ Hale 2007.

²¹ Golosov, Shevchenko 2005.

²² Чеченская Республика исключена из выборки.

где IA_i — доля голосов, полученных инкумбентом; \bar{V}_i — среднее число голосов, поданных за победивших кандидатов в округах с инкумбентом; \bar{V}_w — среднее число голосов, поданных за победивших кандидатов в округах без инкумбента.

Сравнительный анализ электоральной конкуренции в округах с инкумбентом и без такового в 1995 г. позволяет говорить о том, что преимущество инкумбентства на этом этапе еще окончательно не оформилось. Если на выборах в округах без инкумбента за победивших кандидатов было подано в среднем 24,6% голосов, то в округах с инкумбентом — 30,1%. То есть, средний прирост доли голосов в округах с инкумбентом составлял 5,5%. Эту цифру и можно считать количественным показателем преимущества инкумбентства (IA). Статистически эти две группы округов отличались незначительно. Список кандидатов, набравших наибольшее число голосов, возглавил генеральный директор фонда «Регионы России» О.Столяров (Эвенкийский АО), не обладавший статусом инкумбента. В группу лидеров попали и некоторые другие кандидаты, впервые баллотировавшиеся в Госдуму, в том числе депутат Думы Таймырского АО В.Ситнов и заместитель председателя Государственного совета Татарстана М.Магдеев.

Заключение о неоформленности преимущества инкумбентства подкрепляют и результаты регрессионного анализа: среди рассмотренных переменных не нашлось статистически значимых (см. табл. 5).

Таблица 5 Значимость переменных, определяющих преимущество инкумбента (1995 г.). Регрессионная статистика²³

²³ В анализ включены только округа с инкумбентом.

Параметр	В-коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	Значимость Sig.
Y-пересечение	0,664	4,394	0,151	0,889
Этнолингвистическая фрагментация	2,756	2,544	1,083	0,358
Доля городского населения	-0,019	0,036	-0,538	0,628
Численность населения	-8,101E-08	0,000	-0,582	0,601
Доля пенсионеров	14,867	11,727	1,268	0,294
ВРП на душу населения	5,319E-05	0,000	0,476	0,666
Партийность	-0,459	0,617	-0,744	0,511
Принадлежность к «партии власти»	0,728	0,678	1,074	0,362
Силовики	0,460	0,751	0,612	0,584
Исполнительная власть	0,343	0,531	0,647	0,564
Бизнес	1,607	0,759	2,118	0,124

Зависимая переменная — преимущество инкумбента

$R^2 = 0,842$

Уточненный $R^2 = 0,314$

На процентный прирост голосов, поданных за инкумбента, не влияли даже такие структурные факторы, как доля сельского населения, этнический состав населения и особенности миграционных процессов, хотя их влияние на общие итоги выборов по одномандатным округам в 1995 г. было весьма заметным.

Незначимой оказалась и принадлежность к «партии власти». Более того, кандидат, выдвигавшийся от НДР, ДВР или БИР, не мог рассчитывать на гарантированный прирост голосов. Среди 10 самых успешных инкумбентов было лишь два выдвиженца от «партий власти»: генеральный директор АО «Труд» Ю.Тен, баллотировавшийся от НДР (30,2% от среднего прироста голосов), и лидер БИР И.Рыбкин (17,8%). Но эти исключения скорее подтверждают правило, так как от того же БИР в Думу не прошел ни один одномандатник, кроме самого Рыбкина.

Совершенно иную картину мы видим на выборах 2003 г. Средняя доля голосов, поданных за победивших кандидатов, в округах с инкумбентом теперь составила 47,7% против 29,9% в округах без инкумбента, то есть в численном выражении преимущество инкумбентства достигло 17,8%, что в несколько раз превышает аналогичные показатели в США и странах Западной Европы.

Результаты регрессионного анализа для выборов 2003 г. демонстрируют отчетливую зависимость между величиной электорального преимущества инкумбентства и принадлежностью к «партии власти» (см. *табл. 6*). Вместе с тем необходимо учитывать, что кросс-секционный анализ не позволяет делать выводы о природе каузальной связи между переменными. Иными словами, обнаруженная зависимость может указывать как на то, что выдвижение от «Единой России» повышало шансы инкумбента на избрание, так и на то, что выдвижение сильных инкумбентов, обладавших собственными ресурсами мобилизации избирателей, повышало электоральные шансы «Единой России». И хотя интуитивно ясно, что поддержка со стороны «Единой России» должна была способствовать успеху инкумбентов, не следует забывать, что при создании «Единой России» она инкорпорировала в себя целый ряд влиятельных инкумбентов.

Среди других факторов, повлиявших на успех инкумбентов, прежде всего нужно отметить принадлежность к бизнес-структурам. Что касается структурных переменных, то их вклад в преимущество инкумбентства на выборах 2003 г. относительно невелик. В то же время было бы неверно полностью сбрасывать их со счетов: чем благополучнее в экономическом плане регион, тем меньший прирост голосов получал инкумбент. Обнаружилась также зависимость между преимуществом инкумбентства и конституционным статусом региона — в республиках и автономных округах прирост голосов за инкумбента был больше, чем в краях и областях.

Таблица 6 Значимость переменных, определяющих преимущество инкумбента (2003 г.). Регрессионная статистика²⁴

²⁴ Из таблицы исключены статистически незначимые мультипликативные члены.

Параметр	В-коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	Значимость Sig.
У-пересечение	21,736	10,056	2,161	0,359
Доля городского населения	0,076	0,066	1,148	0,267
Этнолингвистическая фрагментация	5,197	5,263	0,987	0,337
Численность населения	1,630E-07	0,000	0,561	0,582
Доля пенсионеров	-18,077	26,892	-0,672	0,510
ВРП на душу населения	-4,670E-05	0,000	-2,040	0,057*
Конституционный статус региона	8,349	5,105	1,635	0,070*
Партийность	-4,234	4,218	-1,004	0,063*
Принадлежность к «партии власти»	5,823	3,263	1,784	0,001***
Бизнес	8,754	2,845	3,077	0,002**
Исполнительная власть	7,211	2,706	2,665	0,544
Силовики	0,385	2,865	0,134	0,895

Зависимая переменная: преимущество инкумбента

$R^2 = 0,863$

Уточненный $R^2 = 0,718$

* — значимо на 0,10 уровне.

** — значимо на 0,05 уровне.

*** — значимо на 0,01 уровне.

* * *

Подводя итоги проведенного анализа, можно сформулировать ряд предварительных выводов.

1. Хотя доля инкумбентов в российском парламенте последовательно возрастала от выборов к выборам, о преимуществе инкумбентства, выражающемся в конкретном процентном бонусе к полученным голосам, правомерно говорить лишь после 1999 г. Иными словами, статус инкумбента становится реальным преимуществом лишь с думских выборов 2003 г.

2. Существенно уступая доминирующим партиям в состязательных авторитарных режимах по своим политическим и организационным возможностям, «Единая Россия» выполняет сходные функции, используя думские мандаты для вознаграждения наиболее значимых партнеров по коалиции. И если применительно к выборам 2003 г. еще нельзя точно сказать, кто в большей степени выиграл от кооптации

инкубентов в «партию власти» — сами инкубенты или «Единая Россия», то после отмены выборов по одномандатным округам инкубенты оказались в положении «вынужденных клиентов» «партии власти», которая теперь институционально контролирует входные барьеры на электоральном рынке.

3. Подобно доминирующим партиям в состязательных авторитарных режимах, российская «партия власти» стоит перед проблемой: как обеспечить ротацию кадров и при этом не оставить без награды ценных членов коалиции? От того, насколько успешно она будет справляться с задачей распределения постов и ресурсов, зависит ее выживание. Если ставка на инкубентов — не тактический ход на пути к институционализации, а долговременная стратегия, избыток парламентских долгожителей способен в перспективе подорвать институт «партии власти».

Библиография

Голосов Г.В. 2008. Электоральный авторитаризм в России // *Pro et Contra*. № 1.

Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. 2000. Факторы электорального успеха в одномандатных округах // // Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) *Первый электоральный цикл в России, 1993—1996 гг.* — М.

Шевченко Ю.Д. 2007. Институционализация Государственной Думы и участие депутатов третьего созыва в парламентских выборах 2003 года // Гельман В.Я. (ред.) *Третий электоральный цикл в России: 2003—2004 годы.* — СПб.

Abramowitz A. 1975. Name Familiarity, Reputation and the Incumbency Effect in a Congressional Election // *Western Political Quarterly*. № 28.

Alford J., Brady D. 1993. Personal and Partisan Advantages in U.S. Congressional Elections, 1846—1990 // Dodd L., Oppenheimer B. (eds.) *Congress Reconsidered.* — Washington.

Ansola-behere S., Snyder J. 2002. Incumbency Advantage in U.S. Elections // *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*. Vol. 1. № 1.

Brownlee J. 2007. *Authoritarianism in Age of Democratization.* — Cambridge.

Campbell J. 1983. The Return of the Incumbents: The Nature of the Incumbency Advantage // *Western Political Quarterly*. Vol. 36. № 3.

Egner B., Stoiber M. 2008. A Transferable Incumbency Effect in Local Elections: Why It Is Important for Parties to Hold the Mayoralty // *German Politics*. Vol. 17. № 2.

Fiorina M. 1977. *Congress, Keystone of the Washington Establishment.* — New Haven.

Fiorina M., Rivers D. 1989. Constituency Service, Reputation, and the Incumbency Advantage // Fiorina M., Rhode D. (eds.) *Members of Congress at Home and in Washington.* — Ann Arbor.

Geddes B. 1999. *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument*. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association. — Atlanta.

Gelman A., King G. 1990. Estimating the Incumbency Advantage without Bias // *American Journal of Political Science* Vol. 32. № 4.

Goloso G., Shevchenko I. 2005. Incumbent Re-election Strategies in Duma Elections // Gel'man V. et al. (eds.) *The 1999—2000 National Elections in Russia: Analyses, Documents and Data*. — Berlin.

Hale H. 2007. Correlates of Clientelism: Political Economy, Politicized Ethnicity, and Post-Communist Transition // Kitschelt H., Wilkinson S. (eds.) *Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. — Cambridge.

Katz J., King G. 1999. A Statistical Model for Multiparty Electoral Data // *American Political Science Review*. Vol. 93. № 1.

Kitschelt H., Wilkinson S. (eds.) 2007. *Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. — Cambridge.

Krehbiel K., Wright J. 1983. The Incumbency Effect in Congressional Elections: A Test of Two Explanations // *American Journal of Political Science*. Vol. 27. № 1.

Langston J. 2006. Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Split? // Shedler A. (ed.) *Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition*. — L.

Mayhew D. 1974. Congressional Elections: The Case of the Vanishing Marginals // *Polity*. № 7.

Morgan-Jones E., Schleiter P. 2004. Governmental Change in a President-Parliamentary Regime: The Case of Russia, 1994—2003 // *Post Soviet Affairs*. Vol. 20. № 2.

Polsby N. 1968. The Institutionalization of the U.S. House of Representatives // *American Political Science Review*. Vol. 62. № 1.

Reuter O., Remington T. 2009. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4.

Shedler A. (ed.) 2006. *Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition*. — L.

Shugart M. 1996. Executive-Legislative Relations in Post-Communist Europe // *Transition*. Vol. 25. № 2.

Stokes D., Miller W. 1966. Party Government and the Saliency of Congress // Campbell A. et al. (eds.) *Elections and the Political Order*. — N.Y.